

система, основанная на принципах соревновательности, доказала свое преимущество как более эффективная в сфере производства и накопления национального богатства (экономическая сфера). Сочетание и взаимное дополнение двух систем нашло свое отражение в теории конвергенции, а затем и в теориях постиндустриального общества, общества потребления и др. На практике же проблема распределения национального богатства не утратила своей актуальности и продолжает рассматриваться “не в последнюю очередь – в виде диспута между социал-демократами и неолибералами или кейнсианцами и последователями Фридмана” [3, с.33].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

17. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с франц. – М.: Текст, 1993. – 303 с.
18. Всемирная энциклопедия: Философия / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
19. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.
20. Економічна енциклопедія: У 3 т. / Редкол.: С.В. Мочерний (відп.ред) та ін. – К.: Видавничий центр «Академія», 2000. – Т.1. – 864 с.
21. Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. – 832 с. (Серия «Антология мысли»).
22. Глазунов В.В. Своеобразие олигархических проявлений в период средневековья и эпоху Возрождения // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. – Запоріжжя: Прем'єр, 2004. – Вип. 13. – С. 104-109.
23. Прудон П.Ж. Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время / Подгот. текста и коммент. В.В. Сапова. – М.: Республика, 1998. – 367 с. (Б-ка этической мысли).
24. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1981. – Т. 27. – 430 с.
25. Кропоткин П.А. Анархия: Сборник / Сост. и предисловие Р.К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 576 с. (Библиотека истории и культуры).
26. Гончар Ю., Устенко О. Олігархія. // Економічна енциклопедія: У 3 т. / Редкол.: С.В. Мочерний (відп.ред.) та ін. – К.: Видавничий центр «Академія», 2000. – Т. 2.
27. Глазунов В.В. Экономико-политическая составляющая современной украинской олигархии: особенности, условия зарождения и развития // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. – Запоріжжя: Просвіта, 2004. – Вип. 12. – С. 93-97.

В.Н. ГОЛЬЧЕНКО

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ГАРМОНИИ

Толкование гармонии охватывает широчайшую область: она представляется как явление космического (вселенского) масштаба и как душевное состояние отдельно взятого индивида. Однако столь широкий “разброс” в конце концов компенсируется тем, что в центре внимания в результате оказывается именно тот, кто такие представления формирует, т. е. человек. Крайние позиции отличаются в данном случае “вектором” рассуждения: в предельно широком толковании умозаключение идет от Космоса к человеку, в “узком” смысле – от человека к Космосу. Сознательно или неосознанно человек оказывается в центре внимания как явление космического масштаба, уже в силу того хотя бы, что все ориентиры задаются именно человеком.

Классическим свидетельством проблемы гармонии для человека можно считать утверждение патриарха философствования Сократа, который (устаами Платона в диалоге “Филеб”) подчеркивал: “...как только в нас, живых существах, расстраивается гармония, так вместе с тем разлагивается природа и появляются страдания”. Но “когда же гармония вновь налаживается и возвращается к своей природе, то следует сказать, что возникает удовольствие...” [2, с.37].

Конечно, меньше всего смысл гармонии сводится к сугубо утилитарному представлению о страданиях и удовольствиях. По большому счету, речь идет, скорее всего, о том, что гармония необходима человеку для того именно, чтобы он сам для себя оставался человеком, проявлялся как человек.

Заслуживает внимания тот факт, что для греческих мыслителей главным вопросом было не определение гармонии как таковой, а выяснение того, при каких условиях, при наличии какого минимума элементов и предпосылок возникает возможность и необходимость рассуждений о гармонии. Такой минимум представлен, в конечном счете, тремя сторонами. Во-первых, понятие гармонии относится лишь к вещам сложным – составным, состоящим из каких-либо частей или элементов. Гармоническое соединение таких частей, во-вторых, должно отвечать эстетическим требованиям прежде всего категории прекрасного. Последнее, в-третьих, выполняется в том случае, когда между элементами устанавливается определенная пропорция.

За кажущейся простотой в данном случае кроется величайшая сложность, обусловленная уже тем, что к “простому” понятие гармонии неприменимо. Такой “простой” вопрос, как “что такое гармония?” предполагает сложный ответ в том смысле, что он (ответ) уже найден, а вопрос, тем не менее, остается. Поэтому человек и человечество на протяжении своей жизни (соответственно, истории) беспрестанно ищет гармонию и не всегда ее находит. Может быть, потому, что не там ищет, либо не то ищет, либо не так ищет.

Применительно к отдельному человеку вопрос усложняется тем, что он в состоянии гармонии данную проблему перед собой не ставит, а возникает она лишь тогда, когда человек в силу тех или иных обстоятельств потерял (или не нашел) того, о чем понятия не имеет. В состоянии дисгармонии человек действительно не знает, чего он ищет, а потому не в состоянии для самого себя определить “где” и “как” искать. Собственно, он даже не в состоянии понять, что же такое он потерял (или не нашел). Ясно лишь то, что ему чего-то не хватает и он не находит себе места. Парадокс состоит в том, что такое состояние складывается чаще всего на фоне отсутствия всяких видимых, осязаемых причин для этого.

Таким образом, особое значение приобретает выяснение того, почему в ситуациях, когда у человека есть все для “нормальной жизни”, он вдруг “изнутри” себя начинает испытывать беспокойство, неудовлетворенность, дискомфорт. Не менее важным выступает выявление того, в какой мере такие ощущения и состояния есть чисто человеческими в человеке, или же они противоречат “человеческому началу”? Вопросом вопросов есть обнаружение возможностей человека достичь внутреннего равновесия, согласия, гармонии. Обречен ли человек быть в постоянном разладе с самим собой или же способен преодолеть его?

Такого рода вопросы порождают множество других. Поэтому суть не в количестве вопросов, а в их бесконечном значении для человека и человечества. В конечном счете, история человеческой мысли, философской прежде всего, есть постоянная формулировка и постановка таких вопросов и многочисленные попытки найти на них ответы.

В своем подходе к проблеме гармонии мы вполне сознательно “сужаем” ее до масштабов преодоления разлада человека с самим собой, до выяснения причин и сути такого разлада, до выяснения возможностей его преодоления и нахождения “внутренней” гармонии. Объясняется это убеждением в том, что без установления гармонии в самом себе человеку нет смысла рассуждать о гармонии в ее космических измерениях, о гармонии в обществе и т. п.

При рассмотрении сути, причин и проявлений разлада человека с самим собой исходным моментом следует принять тезис о том, что наличие внутренней дисгармонии (несогласия с самим собой, разлада) не есть для человека чем-то аномальным или случайным. Более того, такой факт следует считать одним из существенных проявлений человека, в качестве особенности человека и только человека. Действительно, устраните из человеческой жизни возможность внутреннего разлада и рассогласованности и получите в результате не живого человека “во плоти и крови”, а в лучшем случае совершенный автомат, механизм, поскольку даже слово “организм” здесь ничего по сути не меняет. Иными словами, лишь потому, что человек обладает способностью быть в разладе с самим собой, он в состоянии пытаться преодолеть такой разлад и реализовать на практике, с тем или иным успехом, такие попытки. По крайней мере, первым шагом на этом пути есть ощущение – предпонимание того, что “что-то” не так, а потом выяснение на этой почве того, “что” и “как”.

Особую роль в данном случае способны играть удивление и усталость. Самое интересное в том, что и то и другое возникает, казалось бы, на “ровном месте”. Может быть, в таком смысле сугубо человеческим свойством есть обнаружение проблемы там, где ее не должно было бы быть. Поэтому, кроме всего прочего, человек есть существо, порождающее проблемы “из ничего”. Такое порождение сопровождается удивлением своей собственной способностью и неизбежной усталостью от этого постоянного порождения проблем и их решения. Среди повседневности и текущего однообразия, обыденности, замечает Альбер Камю, “вдруг возникает вопросительное «зачем?»», и все начинается с усталости, подсвеченной удивлением... Усталость одновременно и последнее проявление жизни машинальной, и первое обнаружение того, что сознание пришло в движение. Усталость пробуждает сознание и вызывает все последующее. Последующее может быть либо возвратом к бессознательности, либо окончательным пробуждением. Со временем, на исходе пробуждения, из него вытекает либо самоубийство, либо восстановление равновесия” [1, с.37].

Конечно, дело не может быть ограничено лишь двумя указанными крайностями, требующими огромного напряжения сил. Возможны вполне “промежуточные” варианты либо в виде выбора чисто животного (даже “растительного”) существования, либо попытка найти выход в своеобразном “параллельном” мире – в мире наркотиков, алкоголя и т. п.

Имеет большой смысл то, что удивляется человек именно самому себе и устает от самого себя. Иное дело, что к таким внутренним “импульсам” в реальной человеческой жизнедеятельности добавляются внешние факторы, условия и влияния.

Вероятнее всего, речь следует вести об удивлении и усталости души, а не тела и даже духа. Такое уточнение необходимо для того, чтобы подчеркнуть принципиальное различие между состоянием усталости от жизни и пресыщенностью жизнью. Первое выступает как “нормальное” состояние – человек действительно “имеет право” устать жить, однако, оставаясь человеком, он не может пресытиться жизнью уже потому, что для этого не хватит никакой человеческой жизни. Пресыщенность жизнью может быть истолкована как исчерпаемость, а исчерпать жизнь ни один человек не в состоянии даже физически.

Усталость от жизни не есть отказ от нее. Усталость преодолевается в рамках самой жизни. Пресыщенность содержит в себе отказ от жизни, ее обесценивание и обесмысливание, что равносильно ее прекращению.

Итак, и отдельно взятый человек, и общество (как общность людей) содержат в самих себе возможность внутреннего разлада и рассогласованности (рассогласованность означает прежде всего неумение “найти общий язык”). Исходом из такой возможной раздвоенности может быть либо усиление целостности, возрастание общности, либо нарастание тенденции к самоуничтожению. Правда, приведенная аналогия заканчивается там, где приходится учитывать, что в обществе “самоубийственная” тенденция складывается на фоне отсутствия согласия с ее необходимостью и неизбежностью. Имеет место ситуация, когда из суммы благих пожеланий и устремлений вытекает нечто совершенно противоположное желаемому и ожидаемому.

В данном случае принципиальное значение имеет двуединый вопрос: может ли существовать общество социального мира и согласия, если преобладающим состоянием в нем является дисгармония? Может ли стать господствующей внутренняя гармония человека в обществе разлада и рассогласованности? Интуитивно предполагается, что в такой ситуации не может быть какой-либо очередности. Эти две стороны одной и той же проблемы именно в таком качестве и следует рассматривать – в одно и то же время, в одном и том же месте, с одинаковой интенсивностью и напряжением. Но та же самая интуиция подсказывает, что постепенно вырисовывается замкнутый круг и главной задачей становится поиск выхода из него, обнаружение точки “прорыва”.

Складывается, тем самым, ситуация абсурдности – имеет место то, чего не должно и не может быть, но тем не менее имеется. Такой абсурд является следствием абсурдности иного уровня: не менее абсурдна возможность и способность человека приходить в разлад с самим собой, как и общества развиваться подобным же образом. Иначе как абсурдом не назовешь умозаключение о том, что главным условием существования человека (человечества и общества) является обязательное присутствие такой способности и возможности – того, что непосредственно угрожает его (их) существованию, грозит гибелью.

Имеет место, следовательно, абсурд тройственного свойства, причем все его “ипостаси” выступают как реальности человеческого существования, более того, как чисто человеческие качества и характеристики. Где их причины и корни? А. Камю отвечает следующим образом: “...чувство абсурда рождается не из простого рассмотрения единичного факта и не из отдельного впечатления, а высекается при сравнении наличного положения вещей с определенным рода действительностью, действия – с превосходящим его миром. По сути, абсурд – это разлад. Он не сводится ни к одному из элементов сравнения. Он возникает из их столкновения” [1, с.48].

Выступая как столкновение, как определенного рода борьба, абсурд требует, чтобы по отношению к нему было выработано определенное отношение. Что должно лежать в его основе? А. Камю предлагает следующее: “Доведа логику абсурда до самого конца, я должен признать, что эта борьба предполагает отсутствие какой бы то ни было надежды (какое не имеет ничего общего с отчаянием), постоянное отрицание (какое не следует смешивать отречением) и неосознанную неудовлетворенность (каковую нельзя путать с юношеским беспокойством). Все, что уничтожает, отменяет или ловко сводит на нет эти требования, – а разлад уничтожается в первую очередь согласием, – устраняет абсурд и обесценивает подход, который мог бы быть предложен. Абсурд имеет смысл только в той мере, в какой с ним не соглашаются” [1, с.49].

Что можно добавить к сказанному? Прежде всего необходимо определиться с тем, насколько применима какая-либо логика к абсурду. По самому смыслу термина абсурд есть нечто несовместимое с логикой, поэтому его логикой является нарушение всякой логики. Абсурд, подвластный логике, уже не абсурд. В таком смысле логикой абсурда является его алогичность. Поэтому абсурд имеет неопределимое значение в том плане, что не дает никакой возможности логике “застывать” в своем функционировании, заставляет ее (логику) развиваться. Учитывая сказанное, даже отставив значение и роль согласия, следует более осторожно говорить об уничтожении разлада согласием. Скорее всего речь должна идти о таком их сосуществовании, которое лучше всего назвать равновесием. Наиболее существенным признаком последнего есть постоянное балансирование “на грани”. Выступая на первый взгляд как воплощение стабильности, равновесие вместе с тем, и прежде всего, является олицетворением беспокойства и отсутствия каких-либо гарантий покоя. Равновесие, как это не покажется странным, как раз и ценно тем, что оно в любой момент может быть как нарушено, так и восстановлено.

Заслуживает внимания и вопрос о согласии или несогласии с абсурдом. Получается так, что абсурд лишается всякого смысла, если с ним соглашаться – принимать его, допускать его, давать ему право на существование. И наоборот, он принимает смысл (имеет смысл), когда с ним не соглашаются. Парадоксальность налицо: соглашаясь с чем-то, мы лишаем это самое нечто смысла, а не соглашаясь с ним – придаем ему смысл. Думается, что именно в такого рода парадоксальности только и может быть обнаружена сущность абсурда и абсурдности.

Поскольку ведущим отличительным признаком абсурда является его неподвластность логике, следует признать, что борьба против абсурда бессмысленна, что он принципиально непреодолим (по крайней мере, традиционными рациональными приемами и способами). Выход обнаруживается на пути “вбирания” абсурда в себя, в его причащении к сознанию. Такое “причащение” (причастие есть превращение в частицу себя) в какой-то мере отсекает из абсурда наиболее острые (разрушительные) проявления противопоставленности, разрыва, разлада. Они, следовательно, не устраняются как таковые, а некоторым образом “приручаются”. Тем самым мы имеем основания считать, что согласие и понимание достижимы не путем устранения всего того, что абсурд, соответственно разлад, порождает, а путем его уяснения самому себе, причащения к нему и “приручения”.

К сказанному добавим, что абсурд имеет смысл рассматривать в качестве человеческой мерки процесса неизбежного столкновения человеческого и внечеловеческого. В этом отношении разлад (в разных его проявлениях) выступает одновременно и как нечто неустранимое, т. к. человек все время “внутри” мира, и как устранимое, поскольку человеку удастся этот мир по-человечески измерить, постичь, “схватить”.

Возвращаясь к проблеме “замкнутого круга”, скажем, что сделанный выше набросок ситуации специально дан в его наиболее резкой, “рельефной” форме для того, чтобы усилить впечатление и поставить проблему во всей ее остроте. Более “мягкое” рассмотрение позволяет увидеть, что выход из круга все же имеется и суть его заключается в обращении к человеку, в выдвигании живого конкретного человека на первый план, рассмотрение человека в качестве “первопричины”.

Человеческая мысль довольно часто выходит на признание того, что характер человеческого общежития определяется прежде всего “состоянием” человека. Например, П. Юркевич отмечал: “Вообще мир между людьми требует, в качестве необходимого условия, чтобы человек был примирен с самим собой, или чтобы он имел внутренний мир, который достигается самообладанием, победой над страстями, прислушиванием к голосу совести. А более всего деятельной преданностью воле Божьей” [4, с.227]. По мнению выдающегося украинского мыслителя, для достижения душевной гармонии необходима прежде всего вера, но такая вера, которая переведена из мысли в живое содержание духа, из головы в сердце.

Конечно, было бы упрощением считать усмирение страстей их устранением. Человеческие страсти – любовь, ненависть, зависть и т. п. – являются родовым признаком человека. Устранить страсти из “человеческой натуры” – значит превратить человека в совершенную мыслительную машину, т. е. убить в человеке человеческое. Ситуация предельно противоречива: мир как состояние и как отношение между людьми есть необходимое условие и предпосылка существования людей (“человечности”) и он невозможен без преодоления страстей, однако такое преодоление означает отрицание самой человечности.

Разрешение указанного противоречия возможно на пути рассмотрения усмирения страстей как нескончаемого процесса, как внутреннего стремления и напряжения. Безусловно, человеку жизненно необходимо научиться самообладанию. Но столь же необходимо видеть самообладание не в качестве застывшего состояния, а как постоянную внутреннюю “работу”.

Последнее замечание имеет особое методологическое значение, поскольку позволяет говорить о том, что установление (достижение) “вечной” или “окончательной” гармонии принципиально невозможно, т. к. такого рода гармония подобна смерти. Действительная гармония есть прежде всего движение – процесс достижения и преодоления точек – моментов равновесия и умиротворения. Здесь к месту вспомнить известное “движение – все, конечная цель – ничто”.

Мир не есть “вместилищем” или средой обитания человека. Это прежде всего и главным образом процесс жизни. Поэтому достижение согласия, гармонии не есть задача внешнего согласования, а проблема внутренняя – согласование жизни с жизнью. Вместе с тем реальная жизнь оказывается совсем не такой, какой она должна быть по логике вещей с точки зрения человека разумного. Несмотря на бесспорность того, что нет людей, пребывающих в здравом уме и в то же время выступающих за разлад и дисгармонию, люди вместо того, чтобы совместными усилиями обеспечивать всеобщее благо и счастье извечно враждуют, борются, конкурируют и т. д. “Подлинная реальность, – писал А. Уайтхед, – это флоты и армии, взрывы ненависти, кинжалы убийц, сжигания на кострах и мятежи. Целым народам и отдельным людям, – продолжает он, – чтобы выжить, нужно силой и хитростью одолеть своих противников. Идея гармонии прячется под маской любви к приключениям или полного напряжения сил и способностей. Но такая гармония – это уже нечто вторичное, попросту позолота горькой пилюли всеобщей Драки” [3, с.442].

Складывается впечатление, что человек в реальности не тот, за которого он себя выдает. Осознавая себя (выдавая себя) венцом творения, существом разумным, призванным самой природой осознать собственную суть, как и сущность всего сущего, он на практике совершает нечто явно противоположное “естественному” замыслу. Последний же в виде идеи гармонии лишь изредка, да и то лишь в умах отдельных представителей рода человеческого, пробивает себе дорогу ценой невероятных усилий и напряжения. Поэтому может сложиться мнение о том, что все рассуждения (попытки рассуждения) о согласии и гармонии есть не что иное, как досужая выдумка. Может быть, именно поэтому даже самые благородные идеи не находят соответствующего “массового” отклика и остаются в лучшем случае гениальными прозрениями, да и то “от лукавого”. Против такого вывода говорит лишь одно: самой “практикой” свое-

го существования человек и человечество доказывают самим себе необходимость гармонии как условия самосохранения и существования. Прямо скажем, что аргумент слабый, но достаточный для того, чтобы прорваться сквозь пелену преследующих человека житейских проблем, пробиться сквозь “громадь” повседневности и обыденности.

Сопоставляя представления о гармонии с восприятием повседневности и будничности, приходишь к выводу, что первая лежит за пределами, “по ту сторону” последних. Поэтому, чтобы стать “кем-нибудь” в посясторонней жизни необходимо выходить каким-то образом за ее пределы. Поскольку же потусторонность непосредственным образом связана с представлением о внечеловеческом, о божественном, наконец, то для выхода на уровень гармонии человеку требуется стать богоравным. Потенциально каждый человек обладает способностью подняться на такую высоту, однако актуализируется эта способность лишь единицами. Основная проблема и состоит в том, каким образом совместить эти потенциальность и актуальность. Усложняет решение этой проблемы то обстоятельство, что само понятие гармонии не есть нечто “общедоступное” и общепринятое. К тому же общий образ того, что есть гармония, исторически меняется.

В конечном счете источником всех недоразумений по поводу гармонии выступает тот парадоксальный факт, что именно человек, призванный осознать гармонию, одушевить ее, на деле оказывается решающим фактором дисгармонии, главным ее разрушителем.

По большому счету, человек не призван вносить гармонию в мир, а должен “вывести” ее из мира, продемонстрировать миру (прежде всего самому себе) внутренне присущую ему гармонию, придать ей такие формы проявления, которые в этом мире “свернуты”. Такая задача, точнее ее решение, сродни великому подвигу, совершить который может лишь человек, обнаруживший мир в себе, внутри себя. Такой человек есть существо умиротворенное. Последнее понятие имеет серьезную смысловую нагрузку, поскольку выражает, условно говоря, гармонию гармоний, такое состояние и процесс, когда человек находится в мире с самим собой, когда “Я” у мира с “Я”.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990.
2. Платон. Сочинения в трех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1972.
3. Уайтхел А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.
4. Юркевич П.Д. Вибране. – К.: “Абрис”, 1993.

Ю.М. ДМИТРИЄНКО

НЕЛІНІЙНА ОПОСЕРЕДКОВАНІСТЬ ДЕВІАНТНОЇ ПРАВОСВІДОМОСТІ ЯК ЇЇ СИНЕРГЕТИЧНИЙ ЗВ'ЯЗОК З МАРГІНАЛЬНИМ ПРАВОБУТТЯМ

Теоретичне визнання об'єктивної зумовленості сучасної української девіантної правосвідомості маргінальним правобуттям, яке за перехідними властивостями нормативних функцій маргінальних норм права як активів девіантної правосвідомості теж є цілковіто девіантним, релевантна індетермінантна вторинність та похідність від породжуючих девіантну правову свідомість різноджерельних матеріальних відносин зовсім не позначає того, що нелінійний зв'язок девіантної правосвідомості з маргінальним правобуттям завжди виступає у прямій та безпосередній формі. Девіантна правова свідомість характеризується широкою багатоманітністю своїх зв'язків з типово маргінальним правобуттям.

Говорячи про зв'язок нашої теми з сучасними програмами, зазначаємо, що вона тісно пов'язана з державною програмою науково-дослідницької роботи КНУ ім. Т. Шевченка “Розбудова державності України в 1996–2005 рр.”, плановою науковою темою Інституту міжнародних відносин КНУ ім. Т. Шевченка “Розробка міжнародних правових, політичних та економічних основ розбудови української держави. N 97128”, науковою темою відділення міжнародного права Інституту міжнародних відносин КНУ ім. Т. Шевченка “Міжнародно-правові основи зміцнення державності України. N 97132” та ін. [10; 11; 12]. Малодослідженими є саме ті аспекти маргінальних правових рефлексій як рефлексій девіантної правової свідомості, що презентуються у нелінійній опосередкованості девіантної правосвідомості як її синергетично-